

Подольские губернские ведомости.

1899. 3 марта. № 48.

С. 2.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(См. ниже: В. Г. Короленко (Р. Б. № 1).
По дѣламъ служилъ Анг. П. Чехова (Ки.
Под № 1).

Изъ массы романовъ, повѣстей и рассказовъ, которые принесли съ начала года книжки журналовъ, останавливаютъ на себѣ вниманіе небольшія произведенія гг. Чехова и Короленко, заглавія которыхъ выписаны выше. Эти произведенія заслуживаютъ разсмотрѣнія не только по своимъ большимъ художественнымъ достоинствамъ, но и по важности затрогиваемыхъ вопросовъ. Сюжеты обоихъ произведеній очень несложны. Сотрудникъ мѣстной газеты Бухвостовъ, въ рассказѣ В. Г. Короленко, живя на дачѣ въ деревнѣ, случайно наталкивается на фактъ держанія сумасшедшаго на цѣпи. Изъ разспросовъ оказывается, что этотъ человѣкъ, Герасимъ, „не въ формальномъ разсудкѣ“, сидитъ на цѣпи уже лѣтъ десять. Бухвостовъ ѣхалъ на пожаръ, когда наткнулся на сумасшедшаго на цѣпи, но „пожаръ какъ-то внезапно потерялъ для Бухвостова всякій интересъ и темная полоса, все ширившаяся за лѣсомъ, перестала ему казаться злою и угрожающею... Что значить пожаръ какой нибудь избы, да еще среди бѣлаго дня и лѣтомъ, когда вѣтъ тугъ въ нѣсколькихъ саженяхъ, въ такой же деревенской избѣ. быть можетъ много лѣтъ, мечется на цѣпи живой человѣкъ,—и никому это не кажется страннымъ, и никто не съищетъ на помощь, и баба, прикрывая рукой глаза отъ солнца, съ лѣнивымъ любопытствомъ слѣдитъ за дѣльнымъ пожаромъ, вагафигурой случайнаго прохожаго, даже не оборачиваясь на обеспокоеніе прикованнаго человѣка. Ему ка-

залось, что онъ сейчасъ же долженъ выскочить изъ тѣлги, кого-то позвать, на кого-то накинуться, кого-то непременно обвинять, и сразу сію минуту, немедленно прекратить этотъ ужасъ“. И вотъ „газетчикъ“ старается найти виноватыхъ, чтобы дать исходъ томительному и гнетущему ощущенію, болевшему въ душѣ. Съ этими чувствами онъ и входитъ въ избу, гдѣ содержится сумасшедшій. Но едва онъ успѣваетъ приступить къ разспросамъ, какъ спокойные и простые ответы опять лишаютъ его „пяти своихъ ощущеній“: увѣренность, что здѣсь, въ избѣ, онъ найдетъ виноватыхъ и дастъ исходъ своему негодованію, исчезла и снѣ „чувствовалъ себя какъ-то неловко, даже глупо“.

Но фактъ не даетъ ему покоя и Бухвостовъ старается допытаться у крестьянъ причинъ того, почему сумасшедшаго держатъ на цѣпи. Ему хочется найти виноватыхъ среди этого крестьянскаго міра, по всѣмъ обвиненіямъ, которыми пытается выставить газетчикъ разбиваются о простые и ясные ответы. Не виноватъ міръ, приковавшій человѣка къ цѣпи, потому что больше было лѣзать нечего съ человѣкомъ, который производилъ всякій „непорядокъ“, не виноваты бабы, родственницы сумасшедшаго, которыя, хотя и колодятъ его веревками, когда онъ „заблужить“, но все-таки взяли его изъ „старого корпуса“ больницы, когда увидѣли, какъ „шелучать“ тамъ больныхъ, не виноваты онъ и потому, что нѣхъ жизнь „много хуже гераскиной“. После этихъ разговоровъ съ деревенскими „міромъ“, Бухвостовъ ночью идетъ гулять и подходит къ освѣщенному окну дома, гдѣ сидѣлъ на цѣпи Герасимъ.

„Рама была отодвинута. Свѣтъ лился ярко и ровно на кусты въ палисадникъ... И также ясно слышались изъвну ри голоса...“

— Господи, батюшко! Хоть бы ужъ смерть послала, прибралъ бы...“

— Молись, Гарася, молись родимый... Нагрѣшилъ за день огъ... Можетъ Господь услышитъ, смерть пошлетъ...“

И, помолчавъ, женщина прибавила голосомъ, въ которомъ слышались слезы обезсилѣвшаго человѣка...

— И меня бы съ тобой...“

Все стихло... Бухвостовъ отошелъ, испуганный.

Когда онъ опять протискивался черезъ околицу, все кругомъ спало, даже огонь въ окнѣ внезапно угасъ, и только оскорби шептали, что-то торжественно и съ печальной лаской...

— Кто же, кто же тутъ виновенъ?—спрашивалъ себя Бухвостовъ, быстро шагая опять по дорогѣ, стараясь отбѣлаться отъ того, что сидѣло у него внутри и чувствуя, что виновныхъ нѣтъ.

Не виновата деревня, „міромъ“ приковавшая на цѣпь живого человѣка... Нельзя же допустить, чтобы сумасшедшій рубилъ людей топоромъ.

Не виноваты бабы—теперь онъ представлялись Бухвостову мученицами, передъ подвигомъ которыхъ дрожь проходила у него по всему тѣлу, вѣдь онъ могли бы оставить Гараську въ старомъ корпусѣ... Не виноваты врачи,—они все время толкуютъ земству о необходимости новыхъ затратъ. Не виновато земство—оно не можетъ взыскать своихъ недоимокъ, а нужно такъ много... Не виноваты ни эти поля, ни перелѣски, ни хлѣба, ни темный лѣсъ, съ одной стороны все ближе подступавшій къ его дорогѣ.

И Бухвостовъ съ тоской огляды-

Подольские губернские ведомости.

1899. 3 марта. № 48.

С. 2.

вался кругомъ, среди этой ласковой тишины, чувствуя, что чисто деревенское „смирение“ передъ этой общей невпечнностью такъ и льется въ его цѣнящую душу и что въ умѣ его уже готова сложиться фраза, которая, казалось, такъ и носится въ воздухѣ надъ этими „смирненными“ нивами и надъ спящими деревнями:

— Ничего не подѣлаешь!..

А между тѣмъ, онъ чувствовалъ, что вина на лицо, огромная, хотя и безличная и это попрежнему не давало ему покоя, а сознание покрады-вающагося въ душу смиренія только доводило его тогда до бѣшенства“...

Разсказъ Ант.-Чехова „По дѣламъ службы“ цѣлкомъ сходенъ по настроенію съ очеркомъ г. Короленко. Судебный слѣдователь Лыжнѣ прѣзжаетъ на слѣдствіе по поводу самоубійства земскаго агента—Лѣсницкаго. Въ земской избѣ онъ вступаетъ въ разговоръ съ сотскимъ Ильей Лошаднымъ и безхитростный разсказъ старика, ходящаго въ сотскихъ лѣтъ тридцать, раскрываетъ передъ нимъ всю тяжесть жизни, въ которой ничего, кромѣ безконечнаго хожденія для разноса бумагъ, нѣтъ. Лыжнѣ не задаетъ себѣ прямо вопроса—кто виноватъ въ этой тяжелой жизни, но въ его мысляхъ, по поводу разсказовъ старика и самоубійства агента, есть отвѣтъ на этотъ вопросъ. Лыжнѣ пришло въ голову „будто Лѣсницкій и сотскій Лошаднѣ шли въ полѣ по снѣгу, бокъ о бокъ, поддерживая другъ друга; метель кружила надъ ними, а они шли и подпѣвали:

— Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ.

Старикъ былъ похожъ на колдуна въ оперѣ, а оба въ самомъ дѣлѣ пѣли точно въ театрѣ:

— Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ... Вы въ теплѣ, вамъ свѣтло, вамъ мягко, а мы идемъ въ морозъ, въ метель, по глубокому снѣгу... Мы не знаемъ покоя, не знаемъ радостей... Мы несемъ на себѣ всю тяжесть этой жизни и своей, и вашей...

У-у-у! Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ...

То, что они пѣли, раньше приходило ему въ голову, но эта мысль сидѣла у него какъ-то позади другихъ мыслей и мелькала робко, какъ далекій огонекъ въ туманную погоду.

И онъ чувствовалъ, что это самоубійство и мужицкое горе лежатъ и на его совѣсти; мириться съ тѣмъ, что эти люди, покорные своему жребію, взвалили на себя самое тяжелое и темное въ жизни—какъ это ужасно! Мириться съ этимъ, а для себя желать свѣтлой шумной жизни среди счастливыхъ и довольныхъ людей и постоянно мечтать о такой жизни, это значить мечтать о новыхъ самоубійствахъ людей, задавленныхъ трудомъ и заботой, или людей слабыхъ, заброшенныхъ, о которыхъ только говорить иногда за ужиномъ съ досадой или усмѣшкой, но къ которымъ не идутъ на помощь“...

Оба разсказа, прекрасные по художественной формѣ, затрагиваютъ самые глубокіе и основные вопросы нашей дѣйствительности.

Въ самомъ дѣлѣ, кто виноватъ въ несовершенствахъ и нестройствахъ нашей жизни, а особенно жизни тѣхъ, кто, по словамъ поэта, бредетъ по житейской дорогѣ въ безпросвѣтной глубокой ночи, въ темнотѣ которой можно услышать даже лязганье цѣпей, къ которымъ прикованы живые люди? На такой вопросъ нѣтъ отвѣта, потому что виновника этихъ явленій не найдешь. Виноваты все и никто, и потому

искать виноватыхъ напрасно. Исторія вѣдь сложилась помимо насъ, живушихъ теперь, помимо насъ сложилась и весь укладъ народной жизни, въ которомъ такъ много печальнаго и ужаснаго.

Бухвостовъ не могъ найти виновныхъ, потому что вина хотя и огромна, но „безлична“, Лыжнѣ кажется, что виноваты тѣ, на кого, по словамъ того же поэта, „работаютъ грубыя руки“, кому онъ предоставляетъ „погружаться въ искусства, науки, предаваться мечтамъ и страстямъ“. Валить всю вину и на нихъ, конечно, нельзя. Но это не освобождаетъ ихъ отъ обязанности извѣстнымъ образомъ относиться къ тѣмъ явленіямъ, которыми возбуждаются вопросы: „кто виноватъ?“ А это отношеніе намѣчено и въ разсматриваемыхъ разсказахъ. Бухвостовъ готовъ сказать безнадежное „ничего не подѣлаешь!“, по его до бѣшенства доводитъ это покрады-вающееся въ душу смиреніе; Лыжнѣ созвываетъ, что нельзя мириться со всемъ этимъ окружающимъ горемъ.

А такое сознание есть шагъ къ дѣйствію, къ активной борьбѣ съ этимъ горемъ. Г. Короленко прекрасно характеризуетъ словомъ „смирненны“ весь крестьянскій „міръ“. Оттого-то и возможна среди этого „міра“ жизнь полная горя, что онъ еще слишкомъ пропитанъ „смирненіемъ“, сознаниемъ того, что „ничего не подѣлаешь“. Это тяжелые остатки „дореформенной эпохи“, остатки постепенно, хотя и очень медленно, уступающіе напору всего того, что принесло уничтоженіе крѣпостнаго права и постепенно идущее освобожденіе личности отъ гнета невольничества и несовершенствъ окружающей среды.